

После лечебной ванны Си Гуйцань чувствовал себя очень плохо. Такая слабость была для него нестерпимей разорванной плоти.

Из-за этого ему казалось, будто он вернулся в то время, когда был слабым беспомощным подопытным Номером 20.

Побочный эффект лечебной ванны длился три часа.

Прямая трансляция орала на полной громкости, но пустоту ванной заполнить не могла. Си Гуйцань в оцепенении прикрыл глаза. В ушах гудело. Конечно, ему это только казалось, но слабость почему-то отступала.

Хочу увидеть того человека. Хочу услышать его, увидеть его глаза, его улыбку. До безумия хочу.

Си Гуйцань залез в игровую кабину. Вошел в игру и лег на подстилку. И с каждым движением все больше удовольствия разливалось по его существу. Может, это и была пресловутая зависимость от игр?

Хлоп.

Уши тигренка дернулись. Си Гуйцань сам не заметил, как стал ассоциировать звук открывающейся двери отсека с приходом Хэ Жугэ. Глухой щелчок стал для него приятней трелей соловья.

Человек по-прежнему выглядел несчастным.

...Что такое?

.....Тебя снова кто-то обижал?

Хэ Жугэ хмурился и выглядел печально, но печаль эта отличалась от его утренней меланхолии. Она, казалось, передавалась и окружающим. На лице Си Гуйцаня отразилось волнение.

Он запоздало осознал... он печалится за меня.

Значит, это я делаю ему больно.

Чувства Си Гуйцаня были странными. Смесь смущающего беспокойства с постыдной радостью. Еще более странным казалось то, что с пониманием того, что Хэ Жугэ беспокоится о нем, испытываемая им слабость будто увеличилась во сто крат.

Под нежным взглядом человека хлопковая подстилка казалась сделанной из мягчайшего шелка, а сам Си Гуйцань – маленьким тигренком, купающимся в любви и внимании. Ему никак нельзя было страдать, потому что в глазах человека все его страдания бесконечно преумножались.

...Но мне так нестерпимо.

Все же побочные эффекты лечебной ванны проявились и в игре. И только свернувшись клубочком Си Гуйцань смог почувствовать себя немного лучше.

Ему не впервой было притворяться сильным. Среди тех людей, что его окружали, стоило ему только показать какую-то слабость, как враги, словно акулы, спешили разорвать его на куски.

Си Гуйцань знал, что и все его "фанаты" восхищались только громким титулом Клинка Федерации. Всем им было наплевать, как сильно его ранят на межзвездных войнах. Все они были рады только его победам.

Точно так же в приюте Синхай работники смотрели лишь на данные подопытного, но никак не на маленького тигренка.

Эксперименты над слабыми детскими телами были подобны принудительной утилизации дефектных продуктов.

Си Гуйцань должен был быть сильным. Даже если его тело пронзено тысячами дыр, он спрячется в темноте и примется зализывать раны.

Но...

Си Гуйцань посмотрел на Хэ Жугэ, его чистое лицо, нежную бледную кожу. Такую бледную, что казалось еще чуть-чуть, и она станет прозрачной. Мягкий, безобидный человек, способный сгладить все острые углы Си Гуйцаня и залечить его раны.

Оказалось, отношение человека к нему не будет меняться, сиди он прямо, поворачивайся к нему попой или лежи он на боку. Если он будет упорно следить за своими манерами, то никогда не сможет донести до человека... свою боль.

"Мне ведь так плохо, — нерешительно подумал тигренок. — Мне правда плохо".

Мало-помалу что-то росло в его сердце. Какое-то тревожное ожидание следующего шага человека.

Мне уже так тяжело. И ты... что ты сделаешь?

Может, ты споешь для меня? Точно как для кролика, когда ты пытался его успокоить.

Но... что тогда делать мне?

Перед тигренком появилась рука, сжатая в кулак.

Замерший в ожидании тигренок почувствовал, как сердце его екнуло. Он уже догадался, что было в ладони, но все же подошел и принюхался, надеясь почувствовать сладкий запах конфеты.

В его горькой жизни для равновесия должно быть что-то сладкое.

Но горький запах лекарства разрушил все его мечты. Тигренок угрюмо отвернулся, не желая удостоить "возлюбленного" и взглядом.

Он не был болен, просто мучился от побочного эффекта ванны. В игре у тигренка была густая гладкая шерстка, так что Си Гуйцань не был уверен, что Хэ Жугэ поверит бы ему, если бы он даже смог каким-то чудом объяснить причину своих мучений.

Но и если бы он точно знал, что Хэ Жугэ поверит ему, он все равно не сказал бы. Проблема облысения в таком юном возрасте звучала бы комично.

Си Гуйцань понял, что выпадение волос – тема действительно тяжелая. Вот если бы его ранили на войне, он мог бы спокойно снять одежду и показать шрам Хэ Жугэ, называя его знаком отличия и храбрости.

Си Гуйцань пил молоко, но в его юном теле скорбела душа взрослого.

— Если ты заболел, то пей лекарства. Без них тебе разве станет лучше? — слова должны были устыдить тигренка, но из-за мягкого голоса Хэ Жугэ упрек почти не слышался. — Вот раньше, когда я был болен, я тоже не пил лекарства...

Хэ Жугэ болтал о своих проблемах, а тигренок пил молоко. На слове "деньги" ушки его дернулись, а головка чуть повернулась.

А вот... у меня ничего нет, но денег этих куры не клюют.

Вот если бы эта багованная игра поддерживала перечисление средств, я бы завалил тебя миллиардами межзвездных монет, и ты ни в чем не нуждался бы в будущем.

Хэ Жугэ печально взглянул на свою ладонь. На такое выражение лица Си Гуйцаню было

совершенно невозможно смотреть. Так что Си-никогда-никогда-никому-не-уступлю-Гуйцань смягчился и все же съел таблетку. Затем он лег на подстилку, желая поразмышлять о жизни.

Когда он начал потакать этому человеку?

Спину его грела ладонь человека, и тепло это, казалось, могло опалить сердце. Тельце тигренка, напряженное от боли, медленно расслабилось.

Тяжесть руки Хэ Жугэ казалась такой правильной и нежной, что невольно хотелось большего.

Пожалуй, этот человек сочетал в себе слишком много черт, которые нравились Си Гуйцаню. Вот только сейчас Си Гуйцаню было сложно понять, нравился ли ему Хэ Жугэ из-за всех этих прекрасных черт или из-за хорошего к нему отношения, а все остальное в Хэ Жугэ он полюбил уже потом.

Тигренок повернулся на спину и подставил мягкий незащищенный живот под теплую руку человека. Может, тепло сможет рассеять слабость и боль.

— Положи руку мне на живот.

Бледные кончики пальцев невесомо коснулись мягкого живота, принося тепло.

Си Гуйцаню подумалось, что он сошел с ума, раз добровольно позволил человеку прикоснуться к самой уязвимой части себя.

Даже если все это была лишь игра, подобное поведение Си Гуйцаню было совершенно не свойственно.

Вдруг ощущение опасности овладело всем его существом, и место, где он лежал, мгновенно перестало казаться безопасным. Мех его вздыбился, а нервы напряглись до предела, но тело все еще послушно прижималось к руке человека.

Почему так происходит? Почему он настолько доверяет этому "Хэ Жугэ"?

Может, эта игра была создана, чтобы он ослабил бдительность?

Зрачки Си Гуйцаня сжались в узкие щелки.

Нет, он не должен позволить себе показать слабость. Это неожиданное осознание как громом поразило тигренка. словно мучимый болезнью, он яростно вцепился зубами в руку человека.

Тотчас на языке разлился солоноватый вкус крови. Словно очнувшись, тигренок отшатнулся назад и тяжело упал на подстилку.

Взгляд его застыл на ослепительно алом, расцветившим бледную руку человека. Кровь казалась слишком яркой, почти ослепительной для глаз Си Гуйцаня.

Хэ Жугэ в замешательстве смотрел на него. Одетый в обычную рабочую одежду, обычно он казался тигренку ангелом. Но сейчас, когда прекрасный белый цвет был осквернен алыми пятнами, душа Си Гуйцаня задрожала от этой порочной красоты.

Тигренок отвернулся. Биение его сердца набатом отдавалось в ушах.

Тук. Тук. Тук-тук.

Сладость конфеты смешалась с железным вкусом крови.

Когти Си Гуйцаня нервно вытянулись. Он нерешительно облизнул клыки, ощущая легкий клубничный вкус, примешивающийся ко вкусу крови. Так сладко. Си Гуйцаню показалось, что он вновь чувствует запах конфеты.

Он знал, что ему лишь кажется, но сладкий аромат так и обволакивал его тело. И был он так густ, что от его сладости сердце Си Гуйцаня содрогнулось. Он захотел разодрать этому человеку горло.

О да, кровь брызнет фонтаном. Она будет пахнуть сладкими-сладкими леденцами и, стекаясь, станет широкой рекой из разноцветных леденцов. А этот человек будет сидеть на облаке и тихо петь, щедро рассыпая на землю конфеты...

Нет. Так нельзя.

Напряженное тельце тигренка задрожало, а в глазах мелькнул испуг. Монстр в его теле еще спал, но почему тогда ему пришла такая ужасная мысль?

Разве это не значит, что он сам был настоящим монстром?

Словно сжатое в кулак, его сердце больно билось, а когти вцепились в подстилку. Но совсем скоро он обмяк, совершенно лишенный сил.

Хэ Жугэ.

Си Гуйцань повторял его имя про себя снова и снова. Каждый раз его сердце тихо, почти

незаметно, взволнованно вздрагивало. Его обуревали какие-то чувства. Но что они значили, Си Гуйцань не знал.

Он не знал, какова была цель этой игры. Но и не хотел знать: это была одна из тех вещей, о которых лучше оставаться в неведении.

Си Гуйцань устал.

Ему вспомнилось, зачем он зашел в игру — послушать пение человека, увидеть его улыбку и быть рядом, купаясь в его тепле.

А все остальное не имело значения. Ему нужно было лишь немного тепла. Он не просил все, хватило бы и малой толики.

Тигренок поднялся и медленно направился к человеку, внимательно наблюдая за ним. Да, с самого начала он был очарован этой чистотой и красотой. А когда пытался смотреть на человека как можно дольше, глаза у него слезились.

Точно так же, как когда он вышел из комнаты В6 и увидел свет, льющийся сквозь окна. Он, прошедший сквозь тьму, через боль и слезы смотрел широко распахнутыми глазами на свет.

В тусклом свете отсека глаза Хэ Жугэ сияли, и свет этот отражался в глазах Си Гуйцаня.

Такой яркий. Такой нежный.

Отчаяние, не отпускавшее Си Гуйцаня ни на мгновение в первую половину его жизни, снова вспыхнуло. Тигренок опустил голову и лизнул рану человека, вновь чувствуя его кровь.

Вкусно.

Но больше он не сможет ее попробовать. Потому что это будет означать, что человек ранен.

— Обещаю, никто больше не сможет обидеть тебя. Особенно я.

Пусть я не могу стать твоим рыцарем-защитником, но я никогда не позволю себе стать монстром, причиняющим тебе боль.

Так что прошу, не бойся меня.